

КР
63.4 (2Р-4Ря)
Г 701

Городцов, В.

Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 году.

(Оттиск из "Археолог. Известий и Замет." 1898 г., № 7 и 8)

Б-1205792

kp.

63.4(2P-4Pa)

кр.

90215

Г-Гор.

1786

Городцов В. А.

Г701

8 кит

Результаты археологических изслѣдованій въ Бѣлевскомъ и Рязанскомъ уѣздахъ въ 1897 году.

Въ 1897 году, по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, мною произведены археологическія изслѣдованія въ окрестностяхъ двухъ смежныхъ деревень: Оедашевой и Воронца, Бѣлевскаго у., Тульской губ., и въ окрестностяхъ села Алеканова, Рязанскаго у. и губерніи.

Въ окрестностяхъ д. Оедашевой было изслѣдовано одно городище и три кургана; въ окрестностяхъ д. Воронца—шесть кургановъ и одна стоянка неолитической эпохи; наконецъ, въ окрестностяхъ с. Алеканова—одинъ древній поселокъ, сопровождавшійся четырьмя погребеніями, и одна стоянка бронзоваго вѣка. Сверхъ сего осмотрѣно и схематически описано три древнихъ городища: два въ с. Фурсовомъ, Бѣлевскаго уѣзда, и одно—въ с. Муromинѣ, Рязанскаго уѣзда.

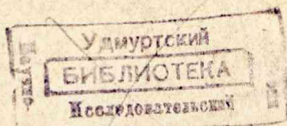
Въ предлагаемомъ очеркѣ будутъ приведены лишь общіе результаты изслѣдованій, но въ немъ не будутъ разсматриваться ни топографическія подробности, ни всѣ детали изслѣдуемыхъ памятниковъ, такъ какъ свѣдѣнія о нихъ имѣются въ подробномъ отчетѣ, представленномъ въ Имп. Моск. Археологическое Общество.

Изслѣдованія начаты раскопками Оедашевскаго городища. Раскопки были направлены на изученіе остатковъ культурнаго слоя и вала. Средняя мощность культурнаго слоя по окраинамъ городища равнялась приблизительно 3 футамъ, къ срединѣ же двора мощность слоя быстро сходилась на нѣтъ, что обусловливалось многолѣтней выпашкой рыхлой почвы. Цвѣтъ слоя—черный углистый, только въ нижней части болѣе свѣтлый, золистый; въ основаніи его всюду залегаетъ красноватая валунная глина.

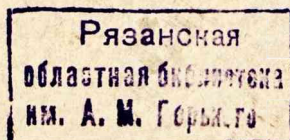
В. А. ГОРОДЦОВЪ.

Б-1205792

1

К.

04

Въ отношеніи бытовыхъ памятниковъ, культурный слой легко разбивается на двѣ части: верхнюю, содержащую болѣе или менѣе обильныя скопленія желѣзныхъ шлаковъ, и нижнюю—совсѣмъ не содержащую такихъ шлаковъ. Послѣдніе появлялись приблизительно на средней глубинѣ слоя. Количество ихъ постепенно увеличивалось по мѣрѣ приближенія къ поверхности, гдѣ шлаковъ встрѣчалось очень много. Часть слоя, содержащая желѣзные шлаки, отличалась наиболѣе богатымъ содержаніемъ и другихъ бытовыхъ предметовъ, въ особенности обломковъ глиняной посуды. Въ этомъ же слоѣ найдены почти всѣ подѣлки изъ желѣза, мѣди или бронзы и серебра, встрѣчены значительныя скопленія костей домашнихъ животныхъ, но костяныхъ орудій совсѣмъ не оказалось.

Нижняя часть слоя, не содержащая желѣзныхъ шлаковъ, заключала въ себѣ обломки глиняной посуды, скопленія костей домашнихъ, а также и дикихъ животныхъ и наконецъ издѣлія изъ кости и рѣже изъ желѣза.

Каменныхъ орудій во всей толщѣ культурнаго слоя совсѣмъ не найдено. Горизонтомъ залеганія ихъ служилъ залежавшій ниже глинистый слой, который иногда окрашивался темнымъ цвѣтомъ, происшедшимъ отъ примѣси золистыхъ и углистыхъ частицъ, и въ этихъ случаяхъ слой какъ бы сливался съ культурнымъ пластомъ городища, отличаясь отъ него большею вязкостью, зависящею отъ присутствія глины.

Изученіе остатковъ каменнаго вѣка являлось главною цѣлью изслѣдованія городища. По собраннымъ, въ экскурсію 1895 года, свѣдѣніямъ, такихъ остатковъ здѣсь было найдено такъ много, что невольно являлась мысль, не возникло ли и самое городище въ періодъ каменнаго вѣка ¹⁾. Однако раскопки не подтвердили такой мысли. Напротивъ, малочисленность сдѣланныхъ въ траншеяхъ находокъ предметовъ каменнаго вѣка не даетъ даже основанія предполагать, что площадь, занятая городищемъ, была болѣе излюбленнымъ мѣстомъ стоянокъ первобытнаго человѣка сравнительно съ сосѣдними берегами р. Оки, повсюду, въ разсматриваемомъ раіонѣ, усѣянными слѣдами его пребыванія. Прекрасная по составу и обширная по количеству коллекція каменныхъ орудій о. Н. Преображенскаго, которая мною описана въ отчетѣ объ археологической экскурсіи 1895 года, какъ добытая изъ Оедяшевскаго городища, при ближайшемъ разслѣдованіи оказалось только отчасти собранною на его площади; главная же масса предметовъ коллекціи про-

¹⁾ В. А. Городцевъ. Матеріалы для археолог. карты долины и береговъ р. Оки, стат. 21.

исходила съ прилегающихъ береговъ р. Оки и окрестныхъ полей, называемыхъ мѣстными жителями также, „Городищемъ“. Синонимы и были причиною смѣшенія и ошибки

Өедашевское городище возникло, несомнѣнно, въ другую, болѣе позднюю эпоху. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ послѣдняго служатъ найденные въ обожженной глинѣ вала обломки посуды, однородной съ посудой темнаго культурнаго слоя, отложившагося на дворѣ. Эти обломки посуды, несмотря на всю ихъ примитивность, могутъ быть отнесены лишь къ желѣзному вѣку.

Въ опредѣленіи времени возникновенія и существованія Өедашевскаго городища главную роль играютъ, во-первыхъ, конструкція вала, во-вторыхъ, общій характеръ найденныхъ въ немъ издѣлій и, въ третьихъ, монетныя находки.

Валь Өедашевскаго городища принадлежитъ къ рѣдкимъ образцамъ древней фортификаціи: онъ сооруженъ изъ пластовъ болѣе или менѣе сильно обожженной глины. Городищъ съ валами подобной конструкціи, въ Окскомъ бассейнѣ, доселѣ было извѣстно только два: въ окрестностяхъ с. Половскаго, Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи, и у с. Недостоева, Рязанскаго уѣзда. Первое изслѣдовано А. В. Селивановымъ ²⁾, второе — мною ³⁾. Судя по типамъ встрѣченной въ обогихъ городищахъ глиняной посуды и особенно сѣтчатоу орнаменту ея, оба они должны относиться къ глубокой древности и едва ли не къ самому началу желѣзнаго вѣка въ долинѣ р. Оки, такъ какъ сѣтчатыи орнаментъ посуды, какъ мы увидимъ ниже, является близкимъ вариантомъ сѣтчато-ниточнаго орнамента бронзоваго вѣка.

Въ русской археологіи такого рода валы еще не подвергались глубокому изученію, хотя, несомнѣнно, въ будущемъ они привлекутъ на себя должное вниманіе специалистовъ и прольютъ, вѣроятно, много свѣта на древнюю культуру средней Россіи.

Въ Зап. Европѣ открыты укрѣпленія, имѣющія валы изъ камней, сплавленныхъ на огнѣ. Крайнимъ предѣломъ распространенія ихъ служить Шотландія, далѣе, къ востоку, они идутъ, распространяясь, чрезъ Данію и Германію; наконецъ, крайнимъ восточнымъ предѣломъ ихъ служить Индія, гдѣ они возводились еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Въ Россіи укрѣпленій, сдѣланныхъ изъ сплавленныхъ на огнѣ камней, пока не найдено. Но, по моему мнѣнію, въ прямомъ родствѣ

²⁾ Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссіи, 1890 г., стр. 35 и 36.

³⁾ Матеріалы для археологической карты долины и береговъ р. Оки, статья 53.

съ такими укрѣпленіями стоятъ разсматриваемыя нами валы городищъ, сооруженные изъ пластовъ глины, обожженныхъ на огнѣ. Идея дать матеріалу вала наибольшую крѣпость посредствомъ огня въ обоихъ случаяхъ обща, вполне однородна, и весьма возможно, какъ допускаетъ французскій археологъ Ф. Бартелеми, что идея эта возникла и распространилась изъ одного какого-нибудь пункта ⁴⁾.

Существованіе западно-европейскихъ укрѣпленій разсматриваемой конструкціи относится вообще къ глубокой древности. Во Франціи они уже не сооружались со времени вторженія римлянъ, т.-е. съ I-го вѣка до Р. Хр. Отсюда, если допустить, что идея усовершенствованія крѣпостныхъ насыпей посредствомъ огня заимствована окскими обитателями отъ западныхъ народовъ, то необходимо древность ихъ отнести ко времени, предшествующему христіанской эрѣ. Что же касается продолжительности существованія искусства усиливать глиняныя насыпи посредствомъ огня, то таковая, судя по малочисленности подобныхъ укрѣпленій, въ окской области не должна быть велика, а это позволяетъ заключить, что изучаемое нами Одеяшевское городище, если не древнѣе начала христіанской эры, то позднѣе ея немного.

Разсмотримъ, въ состояніи ли подтвердить такую дату характеръ бытовыхъ предметовъ, оставленныхъ въ слояхъ городища древнѣйшими его обитателями.

Бытовыхъ металлическихъ предметовъ добыто раскопками очень мало; для опредѣленія времени они не характерны, притомъ большинство ихъ извлечено изъ верхней части культурнаго слоя и поэтому совсѣмъ не можетъ служить опредѣлителемъ времени основанія городища. Нимъ остается указать лишь на одинъ фактъ находки здѣсь бронзовой фибулы, доставленной, въ 1890 г., въ Императорское Московское Археологическое Общество. Эта фибула, по опредѣленію гр. Пр. С. Уваровой, относится къ древностямъ IV вѣка. Такая дата вещи, установленная совершенно независимо отъ представляемыхъ соображеній, даетъ очень сильную поддержку для даты, полученной изъ оцѣнки древности конструкціи вала.

Замѣтимъ еще, что сравнительно недалеко отъ Одеяшевскаго городища, въ г. Бѣлевѣ, извѣстны случаи находокъ римскихъ императорскихъ монетъ ⁵⁾, а въ Масальскомъ уѣздѣ сосѣдней Калужской губерніи въ 1888 г. былъ найденъ г. Булычевымъ кладъ съ вещами, отнесенными гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ къ I—V вѣкамъ по Р. Хр. ⁶⁾.

⁴⁾ F. Barthélemy. Camps viitrifes et camps calcines.

⁵⁾ В. А. Городцевъ. Матер. для арх. карты долины и берега р. Оки, ст. 1.

⁶⁾ Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности, вып. III, стр. 152—154.

Въ обоихъ случаяхъ находки были сдѣланы близъ древнихъ городищъ, и поэтому онѣ въ состояніи подкрѣпить мысль о возможности существованія въ то время городищъ вообще и Ѳедашевскаго городища въ частности, дѣлая намѣченную нами дату послѣдняго весьма вѣроятною.

Раскопками Ѳедашевскаго городища больше всего добыто издѣлій изъ глины, которыя, въ видѣ фрагментовъ, выполняли всю толщу культурнаго слоя отъ подошвы до поверхности его. Главную массу разсматриваемыхъ издѣлій составляли обломки, вѣроятно, кухонныхъ горшковъ, затѣмъ мелкихъ сосудцевъ, прясли, грузиль, бочковидныхъ погребушекъ и тиглей. Глина издѣлій имѣетъ цвѣтъ темный, свѣтлосѣрый или рѣже краснобурый. Техника примитивна и для массы однородна, что какъ бы указываетъ на единство источника ихъ происхожденія и непрерывность развитія самаго искусства. Въ общемъ вся серія глиняныхъ издѣлій, какъ по внѣшней формѣ, такъ и въ особенности по орнаменту, имѣетъ сходство съ глиняными издѣліями московскаго Дьякова городища, содержащаго вещи, датированныя V вѣкомъ. Чтобы не вдаваться въ детали сравненій, отмѣтимъ только, что фототипии съ дьяковскихъ глиняныхъ издѣлій, приложенныхъ къ описанію городища В. И. Сизова ⁷⁾, за немногими исключеніями, могли бы служить одинаково вѣрно иллюстраціею къ глинянымъ издѣліямъ Ѳедашевскаго городища. Въ послѣднемъ не найдены обломки посуды съ сѣтчатымъ орнаментомъ и характерные для Дьякова городища глиняные грузики, но это отрицательное явленіе легко можетъ быть объяснено причинами, совсѣмъ не зависящими отъ времени, такъ какъ въ Павловскомъ и Недостоевскомъ городищахъ, имѣющихъ совершенно одинаковую конструкцію валовъ съ Ѳедашевскимъ, а, несомнѣнно, относящихся къ одному времени съ послѣднимъ, посуда съ сѣтчатымъ орнаментомъ найдена; хотя необходимо замѣтить, что въ нижней части культурнаго слоя Ѳедашевскаго городища встрѣчено много обломковъ съ густымъ точечнымъ орнаментомъ и орнаментомъ многозубчатаго чекана, которые представляютъ очень живую связь съ неолитическимъ орнаментомъ и тѣмъ самымъ указываютъ на принадлежность ихъ къ глубокой древности.

Полное сходства съ дьяковскими можно замѣтить и въ формахъ всѣхъ костяныхъ орудій, какія удалось отыскать въ нижней части культурнаго слоя. Къ сожалѣнію, число ихъ невелико, и основывать на нихъ какіе-либо хронологическіе выводы не представляется возможнымъ.

7) В. И. Сизовъ. Дьяково городище близъ Москвы. Труды IX Арх. Съезда, т. II, стр. 256—267.

Болѣе солидно обосновывается дата позднѣйшаго существованія городища, чему помогаютъ находки монетъ, изъ коихъ въ настоящее время извѣстны два серебряныхъ арабскихъ диргема: одинъ, въ видѣ обломка, хранится въ частномъ собраніи Н. Преображенскаго, другой — мною доставленъ въ Импер. Моск. Археол. Общество. Обѣ монеты составляютъ случайныя находки. Послѣдній найденъ за нѣсколько дней до моихъ раскопокъ на поверхности обнаженнаго культурнаго слоя, почти на краю мыса городища. По опредѣленію В. К. Трутовскаго, доставленный мною диргема битъ въ Испани въ 199 году гижры, т.-е. въ 815 году по Р. Хр., при Аббасидскомъ калифѣ Абдулахъ-эль-Мамунѣ. Такимъ образомъ, присутствіе въ культурномъ слое этой монеты указываетъ на существованіе городища въ IX вѣкѣ, но нѣкоторые бытовые предметы, какъ, напр., наконечники желѣзныхъ стрѣлъ, обломки черной глянцевитой посуды, указываютъ на существованіе городища и въ X вѣкѣ.

Суммируя всѣ факты, мы приходимъ къ заключенію, что Оедашевское городище, возникнувъ въ глубокой древности, на почвѣ отчасти насиженной неолитическимъ человѣкомъ, существовало продолжительное время, вѣроятно, до конца X вѣка. Полнымъ подтвержденіемъ такой продолжительности существованія могутъ служить значительныя прогрессивныя перемены въ бытѣ его обитателей. Выше упоминалось, что въ нижней части культурнаго слоя, т.-е. въ той части его, которая отложилась при первыхъ обитателяхъ, бытовые остатки характеризовались очень рѣдкимъ присутствіемъ желѣзныхъ орудій, которыя, очевидно, въ большинствѣ случаевъ замѣнялись костяными. Среди кухонныхъ отбросовъ найдены, на ряду съ костями домашнихъ животныхъ — лошади, коровы и овцы, — въ значительномъ количествѣ кости дикихъ животныхъ — лося, медвѣдя, бобра и др.

Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ бытовые остатки верхней части слоя. Здѣсь изобилуютъ слѣды мѣстной обработки желѣза и другихъ болѣе благородныхъ металловъ. Въ кухонныхъ отбросахъ кости домашнихъ животныхъ часты, а кости дикихъ животныхъ являются рѣдкими исключеніями.

Все это указываетъ, что обитатели Оедашевскаго городища начали жизнь при условіяхъ, близкихъ къ охотничьему быту, а кончили бытомъ много болѣе развитымъ, близкимъ къ современному кустарно-заводскому; такой прогрессъ требовалъ значительнаго періода времени, особенно, если принять во вниманіе медленность развитія вообще всѣхъ человѣческихъ обществъ, когда они выходятъ изъ условій быта слаборазвитой культуры.

Какой народности принадлежало Оедяшевское городище и принадлежало ли оно все время своего существованія одной народности или нѣсколькимъ? Твердо обоснованныхъ отвѣтовъ дать трудно. Судя же по однородности общаго характера глиняной посуды, обильно выполненной всѣ части культурнаго слоя, скорѣе можно допустить, что городище было обитаемо все время представителями одной и той же народности или племени. Между тѣмъ намъ извѣстно, что въ началѣ русской исторической эпохи, до которой городище оставалось обитаемымъ, прилегающая къ нему область верняго теченія р. Оки принадлежала славянской народности, племени Вятичей. Возможно, что это племя и основало городище, принеши съ запада на берега рѣки Оки искусство строить валы укрѣпленій изъ матеріала, обработаннаго при помощи огня.

Желаніемъ отыскать болѣе существенные признаки народности, населявшей въ рассматриваемый періодъ времени ближайшія окрестности городища, и были вызваны изслѣдованія сосѣднихъ къ нему кургановъ. Къ сожалѣнію, и эти памятники, благодаря бѣдности и вѣроятному расхищенію, не отвѣтили поставленнымъ запросамъ, хотя сами по себѣ явились весьма интересными.

Всѣхъ кургановъ раскопано девять. Они расположены вдоль берега р. Оки, въ трехъ изолированныхъ пунктахъ, получившихъ изстари названія — Лами-Полоза, Сторожевица и Воронова вершка (уд. Воронца). Судя по увѣренію владѣльцевъ, раскопанные курганы представляли изъ себя остатки болѣе или менѣе значительныхъ группъ.

Курганы насыпались изъ мѣстной почвы, около нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились остатки заплывшихъ рвовъ, изъ которыхъ бралась земля. Форма кургановъ — полушаровая. Нижніе слои насыпи всегда окazyвались золистыми, причемъ золистость почвы неизмѣнно усиливалась подъ западную полой кургановъ. Форма погребеній практиковалась двойная: въ видѣ трупосоженій и простыхъ погребеній. Трупосоженія, несомнѣнно, считались болѣе почетною формою. Положеніе остатковъ мертвыхъ внизу, на горизонтѣ, было почетнѣе, чѣмъ положеніе выше горизонта, въ насыпи кургана, куда клали преимущественно трупы младенцевъ самаго нѣжнаго возраста или остатки сожженія также очень юныхъ субъектовъ. Простыя погребенія ориентировались головою на W съ уклоненіями къ N и S.

Представителемъ первой, ближайшей къ Оедяшевскому городищу, группы являлся всего одинъ курганъ, — его вершина оказалась разрытою для межевой ямы, и остатковъ погребенія въ немъ не найдено.

Отъ второй группы уцѣлѣло и было подвергнуто изслѣдованію

два кургана. Въ одномъ изъ нихъ открыто два погребенія: взрослога и юнаго субъекта. Костяки лежали въ насыпи кургана, почти на два аршина выше горизонта; вещей при нихъ не оказалось; у головы взрослога субъекта были насыпаны угли и зола, а недалеко, въ насыпи, найдена одна ажурная бляшка. Подъ западную полой кургана, на горизонтъ, почва была сильно окрашена углемъ и золою, но остатковъ погребеній въ ней не найдено.

Второй курганъ имѣлъ особенно интересное и вмѣстѣ загадочное строеніе. Внутри его были вылѣплена изъ красной глины обширная чаша, формою напоминающая широкій бокалъ. Внутренность чаши тщательно выработана полушаромъ и довольно сильно обожжена. На дно ея положена небольшая известковая плита безъ искусственной обработки. Сверху чаша покрывалась бревенчатымъ накатникомъ и рогожею, отъ которой сохранились обрывки, и на нихъ свалена груда углей и головней, замазанныхъ слоемъ обожженной красной глины, потомъ засыпанныхъ землею. Основаніе чаши покоилось ниже горизонта; оно имѣло форму столба, сплетеннаго изъ необожженной красной глины. Подошва столба, какъ у бокала, быстро расширялась и получила форму эллиптическую, сильно выдвинутую подъ западную полу кургана. Подъ подошвою чаши почва оказалась перерытою, мѣстами золистою. При изслѣдованіи ея былъ открытъ тайный ходъ, или лазейка, ведущая отъ западной подошвы кургана прямо подъ основаніе чаши.

Остатковъ погребенія въ курганѣ не найдено, поэтому нельзя съ увѣренностью сказать, чтобы все описанное сооруженіе принадлежало къ атрибутамъ погребальнаго ритуала, хотя мною, по окончаніи раскопокъ, вынесено такое впечатлѣніе, что остатки трупосожженія были скрыты въ какомъ-нибудь сосудѣ подъ основаніемъ чаши, сооруженной специально для погребенія, и затѣмъ похищены чрезъ тайный ходъ, или лазейку. Но это мое личное мнѣніе. Авторитетные археологи, съ которыми мнѣ приходилось говорить о загадочномъ строеніи кургана, не раздѣляютъ моего мнѣнія и видятъ въ сооруженіи, хотя и древнее, но бытовое сооруженіе, не имѣющее связи съ погребеніемъ въ курганѣ.

Въ третьей, Воронежской группѣ раскопано шесть кургановъ; изъ нихъ одинъ былъ почти до горизонта срытъ и запаханъ, и ничего не далъ, прочіе же пять кургановъ дали 20 погребеній.

Въ вершинахъ двухъ кургановъ (1 и 3) открыто семь костяковъ младенцевъ самаго нѣжнаго возраста; около одного костяка замѣчены остатки бересты, а около другаго—торфянистое вещество въ родѣ истлѣвшаго мха.

Въ насыпяхъ двухъ кургановъ (3 и 4), на разной глубинѣ, открыто семь трупосожженій, также очень юныхъ субъектовъ, изъ нихъ остатки одного оказались вложенными въ глиняный сосудъ небольшихъ размѣровъ; остатки прочихъ покоились прямо въ почвѣ; при одномъ найденъ желѣзный плоскій, миниатюрный браслетъ, при другомъ—нѣсколько обломковъ глинянаго сосуда и при третьемъ—шлаки голубого стекла, повидимому, бусъ.

На горизонтахъ кургановъ, въ одномъ случаѣ (кург. 4), открыты обильные остатки трупосожженія взрослога человѣка, лежавшіе грудю; среди костей найдены обломки перержавленнаго желѣзнаго кольца или пряжки; нѣсколько въ сторонѣ—обломки мелкаго разбитаго горшка и немного небольшихъ осколковъ обугленныхъ костей. Вся картина вскрытаго погребенія давала мысль, что остатки трупосожженія были принесены сюда и высыпаны изъ горшка, который затѣмъ былъ съ силою брошенъ и разбитъ о землю.

Въ другомъ случаѣ (кург. 2) открыта, подъ западную полой кургана, небольшая пирамида, сложенная изъ камней; внутри ея найденъ сдавленный небольшой горшокъ, наполненный пережженными костями взрослога человѣка: среди костей лежали мелкіе куски сплавленныхъ бронзовыхъ вещицъ и голубого стекла.

Наконецъ, въ третьемъ случаѣ (курганы 1, 3 и 5) на горизонтѣ кургановъ открыты ящики, сбитые изъ сильно обугленныхъ досокъ, содержащіе остатки трупосожженій. Всѣхъ ящиковъ найдено четыре. Они имѣли удивительно строгую ориентировку съ СВВ на ЮЗЗ, стояли подъ западную полой кургановъ, такъ что три изъ нихъ почти упирались въ край насыпей. Длина трехъ ящиковъ варіировала около 3 аршинъ, ширина двухъ—около $1\frac{1}{4}$ и одного—въ 2 аршина; четвертый ящикъ имѣлъ форму квадратную, около 1 аршина въ каждой сторонѣ. Входъ въ три длинныхъ ящика былъ устроенъ съ запада, въ двухъ—онъ оказался заложенымъ камнями и въ одномъ—обугленною доской, укрѣпленной двумя невысокими обугленными столбиками. Широкій ящикъ имѣлъ внутри продольную перегородку, дѣлившую его на двѣ равныя половины. Этотъ ящикъ носилъ характерные признаки преднамѣреннаго разрушенія, повидимому съ цѣлью ограбленія его содержанія.

Въ первомъ ящикѣ (кург. 1) найдены пережженные кости въ большомъ количествѣ, размѣщенные отдѣльными группами, какъ бы указывающими на принадлежность ихъ нѣсколькимъ погребеніямъ взрослыхъ субъектовъ. Между костями отысканы обломки грубой глиняной посуды.

Во второмъ ящикѣ (кург. 3) лежали остатки трупосожженій въ

трехъ отдѣльныхъ группахъ. Кости принадлежали исключительно взрослымъ лицамъ. Среди костей найдены куски сплавленныхъ бронзовыхъ вещей.

Третій и четвертый ящики оказались подъ однимъ курганомъ (5); изъ нихъ въ квадратномъ, не имѣвшемъ ни дна, ни крыши, былъ поставленъ глиняный горшокъ съ пережженными костями, повидимому, молодого человѣка или отрока; въ большомъ ящикѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, найдено немного жженныхъ костей, нѣсколько мелкихъ кусковъ сплавленной мѣди или бронзы и обломокъ конскихъ удилъ съ *мѣдною полукруглою бляхою*, служившею украшеніемъ узды. Всѣ эти остатки лежали какъ бы затерянными въ углахъ южной половины ящика, въ сѣверной же половинѣ ящика никакихъ остатковъ не найдено. Судя по отсутствію значительнаго количества камней, замыкавшихъ входъ въ ящикъ, равно и другимъ признакамъ, болѣе подробно описаннымъ въ отчетѣ, можно было допустить, что хранившіеся въ ящикѣ остатки погребенія, вѣроятно, съ конемъ, были похищены черезъ отрытіе подошвы кургана съ западной стороны.

Въ заключеніе обзора ящиковъ, считаю необходимымъ отмѣтить, что на дощатыхъ крышахъ трехъ изъ нихъ были найдены сложенными болѣе или менѣе значительными грудями угли и головни.

Въ общемъ результатѣ изслѣдованія всѣхъ кургановъ, мы не получили вполне характерныхъ признаковъ ни для точнаго опредѣленія ихъ времени, ни для точнаго опредѣленія народности, которой они принадлежали. Только основываясь на характерѣ глиняной посуды, схожей съ посудой верхней части культурнаго слоя Оедашевскаго городища, время ихъ насыпки можно отнести къ позднѣйшей эпохѣ существованія городища, а по выше приведеннымъ историческимъ свѣдѣніямъ и нѣкоторымъ другимъ признакамъ, о которыхъ я здѣсь не буду распространяться, — приурочить къ народности славянской, племени Вятичей.

Результаты изслѣдованія Воронежской неолитической стоянки.

Во время раскопокъ Воронежскихъ кургановъ имѣлось наблюденіе за возможнымъ появленіемъ въ ихъ насыпяхъ и отчасти въ подстилающемъ насыпи грунтѣ остатковъ каменнаго вѣка, такъ какъ было извѣстно, что въ насыпяхъ, равно какъ и въ почвѣ прилегающихъ пашень, сдѣланы богатые находки памятниковъ этого вѣка ⁸⁾.

⁸⁾ В. А. Городцевъ. Матеріалы для арх. карты долины и береговъ р. Оки, стат. 20.

Такого рода наблюдениями было выяснено, что только насыпи ближайших къ р. Окѣ кургановъ содержали кремневая орудія, обломки посуды, характерные для неолитической эпохи и болѣе частые осколки кремня. Уже во второй линіи кургановъ, удаленной отъ берега шаговъ на 50 далѣе первой, такихъ остатковъ не оказалось. Послѣднее явленіе давало основаніе заключенію, что для неолитическихъ стоянокъ занималась узкая береговая полоса, поэтому, естественно, на эту полосу и были направлены поиски. Къ сожалѣнію Воронежскій берегъ, подобно двору Ѳедяшевскаго городища, оказался выпаханымъ до подпочвы, уже не содержащей никакихъ культурныхъ остатковъ. Золистый слой съ такими остатками сохранился лишь вдоль гребня берегового ската, спускающагося къ нижней заливной террасѣ; здѣсь первоначально и были сдѣланы раскопки.

Три траншеи, проведенныя вдоль гребня верхней береговой террасы, помогли выяснить, что культурный слой, содержащій остатки каменнаго вѣка, имѣетъ темный золистый цвѣтъ, достигаетъ вершковъ 8-ми мощности и залегаетъ на глубинѣ вершковъ 6-ти отъ поверхности современной почвы. Среди остатковъ, включенныхъ въ почву слоя, встрѣчены каменные орудія въ незначительномъ количествѣ, обломки неолитической глиняной посуды и кости животныхъ. Большинство остатковъ сосредоточивалось близъ встрѣченныхъ въ почвѣ костровъ, характеризовавшихся чернотой и углистою почвой, а иногда и присутствіемъ закопченныхъ и пережженныхъ камней.

Убѣдившись произведенными поисками, что гребень коренного берега (верхней террасы) не въ состояніи дать матеріаловъ для составленія понятія о характерѣ культуры и быта насельниковъ, оставившихъ ихъ на изслѣдуемой площади, я рѣшился съ нѣкоторымъ рискомъ перенести раскопки на берегъ заливной террасы. На основаніи наблюдений, произведенныхъ въ экскурсію 1895 года, я полагалъ, что воронежскій неолитическій человѣкъ, подобно рязанскому своему современнику, предпочиталъ раскидывать свои стоянки близъ самой воды, и поэтому количество остатковъ его жизни должно увеличиваться по мѣрѣ спуска къ водѣ р. Оки. Предположеніе это вполне оправдалось.

На глубинѣ около 3½ аршинъ, въ глинистыхъ отложеніяхъ заливной террасы, былъ обнаруженъ золистый культурный слой, достигавшій до 25 вершковъ мощности. Начиная съ глубины 6 вершковъ отъ поверхности этого слоя стали попадаться осколки кремня и обломки слабо обожженной глиняной посуды, покрытой сплошнымъ узоромъ, весьма характернымъ для конца неолитической эпохи. Количество такихъ предметовъ все болѣе и болѣе увеличивалось и достигало мак-

симума на глубинѣ вершковъ 12-ти. На этой глубинѣ появлялись чаще кремневыхъ орудій и ихъ обломки; нерѣдко открывались сломанныя кости животныхъ, превращенныя отъ времени и влажности почвы въ известковыя массы, наконецъ, здѣсь же было найдено нѣсколько слѣдовъ кострищъ, обозначавшихся особенною чернотой почвы, золистымъ налетомъ и мелкими, втиснутыми въ иль угольками. Кострища сопровождались обильными скопленіями битой глиняной посуды и осколковъ кремня, нерѣдко несущихъ на своихъ поверхностяхъ слѣды дѣйствія на нихъ огня; количество костей также увеличивалось, и среди нихъ удалось извлечь болѣе сохранными и годными для опредѣленія зубы медвѣдя, лося, бобра и кабана. Ниже, къ подошвѣ культурнаго слоя, всѣ перечисленные остатки становились болѣе рѣдкими, хотя удерживали все тотъ же характеръ.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ описанія добытаго матеріала, а прямо перейдемъ къ общей оцѣнкѣ бытового характера и времени описываемой стоянки.

Открытіе костровъ и значительныхъ скопленій домашнихъ отбросовъ въ почвѣ заливной террасы указываетъ на то, что неолитическій человѣкъ проживалъ на этой террасѣ болѣе или менѣе продолжительное время; но онъ не могъ имѣть здѣсь своихъ постоянныхъ жилищъ, такъ какъ ежегодно, въ продолженіи сезона весеннихъ разливовъ р. Оки, ему необходимо было покидать заливной берегъ, и если, несмотря на это, разбросанные въ разныхъ горизонтахъ культурнаго слоя, его бытовые отбросы указываютъ, что послѣ ежегодныхъ періодическихъ отлучекъ, человѣкъ снова возвращался на тѣ же мѣста, то мы въ правѣ заключить о неустойчивости его образа жизни, въ смыслѣ осѣдлости и сравнять послѣдній съ образомъ жизни современныхъ бродячихъ племенъ.

Весьма вѣроятно, что воронецкій первобытный человѣкъ въ продолженіе года совершалъ не одну, а нѣсколько перекочевокъ, такъ какъ затруднительно допустить, чтобы онъ оставался на низкихъ и открытыхъ берегахъ въ продолженіи зимы, когда ему удобнѣе было держаться въ ближайшихъ лѣсахъ на материковыхъ берегахъ, гдѣ легче можно устроить болѣе теплыя жилища.

Что касается древности Воронежской стоянки, то она опредѣляется прежде всего общимъ типомъ издѣлій, указывающимъ на принадлежность ихъ къ концу неолитической эпохи, затѣмъ геологическимъ горизонтомъ ихъ залеганія въ почвѣ. Одинъ фактъ нахождения остатковъ стоянки къ современнымъ аллювіальнымъ образованіямъ уже вполне опредѣляетъ время, такъ какъ вся толща этихъ образованій на протяженіи

всего теченія р. Оки отложилась за періодъ новѣйшаго времени. И въ самомъ дѣлѣ, слѣдя за подъемомъ культурнаго слоя стоянки, погребеннаго въ среднемъ на десяти футовой глубинѣ аллювія, мы находимъ его на верхней террасѣ, въ самомъ послѣднемъ геологическомъ образованіи, едва прикрытымъ растительнымъ или пахотнымъ слоемъ.

Если принять за единицу времени весь періодъ образованія современнаго окскаго аллювія и оцѣнить толщину его въ 20 футовъ, каковая приблизительно мною была получена при измѣреніяхъ поемныхъ береговъ р. Оки, какъ въ д. Воронцѣ, такъ и во многихъ другихъ пунктахъ Тульской и Рязанской губерніи, то намъ необходимо отнести первое появленіе человѣка на воронежскомъ берегу къ срединѣ длиннаго періода, взятаго за единицу времени. Тогда окрестности Воронежской стоянки получили въ общемъ ту самую конфигурацію, которая существуетъ въ наши дни и лишь поемная долина имѣла другой видъ: берега ея были на половину, или немного болѣе, чѣмъ на половину, ниже, а слѣдовательно сырые и болотистые.

Результаты изслѣдованія дюны Могилокъ, въ окрестностяхъ с. Алканова, Рязанскаго уѣзда.

Окончивъ раскопки въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, я переѣхалъ въ Рязанскій уѣздъ для изслѣдованія дюны Могилокъ. Результатомъ изслѣдованіе дюны явилось открытіе небольшого древняго поселка, четырехъ погребеній, стоянки бронзоваго вѣка и признаковъ стоянки неолитической эпохи.

Наиболѣе существенными памятниками поселка служили ямы, содержащія обломки глиняной посуды, запасы желѣзной руды и ея шлаки, прокаленные на огнѣ и оттого растрескавшіеся камни, а также куски обожженной глины. Ямы играли какую-то видную роль въ жилищахъ древняго поселанина. Весьма вѣроятно, что однѣ изъ нихъ служили предпечными ямами, какія были открыты и изслѣдованы въ древнихъ окскихъ поселкахъ близъ д. Борокъ, подъ г. Рязанью, и у Жабьинскаго монастыря, верстахъ въ 7-ми отъ г. Бѣлева⁹⁾. По крайней мѣрѣ, на такое назначеніе ихъ указываютъ частые случаи находокъ кусковъ обожженной глины, вѣроятнѣе всего, представляющихъ изъ себя остатки глинобитныхъ печей. Нѣкоторыя ямы, по своимъ значительнымъ размѣрамъ, могли служить или подпольями, или землянками, другія же, судя по обилію въ нихъ желѣзныхъ шлаковъ и кусковъ болотной руды,

⁹⁾ Матер. для арх. карты долины и бер. р. Оки. ст. 2 и 55.

имѣли какъ будто бы особое, специальное, но не совсѣмъ понятное назначеніе.

Большое количество встрѣченныхъ на мѣстѣ поселка обломковъ глиняной посуды принадлежало къ грубымъ издѣліямъ формы обыкновенныхъ кухонныхъ горшковъ, сдѣланныхъ, большею частію, безъ помощи гончарнаго круга, изъ буроватой, дурно перемѣшанной песчанистой глины. Обжигъ такихъ сосудовъ слабый, орнаментовка является въ видѣ очень рѣдкихъ исключеній и состоитъ или изъ закругленій и утолщеній края горлышекъ, или изъ черточекъ и вдавленій по тому же краю. Обломки посуды съ волнообразнымъ и линейнымъ круговымъ орнаментомъ попадались рѣдко, еще рѣже встрѣчались обломки черной глянцевитой посуды. Первые, по грубой смѣси глины съ пескомъ, похожи на вышеописанный, обычный въ поселкѣ типъ посуды, но они лучше обожжены и дѣланы при помощи гончарнаго круга; вторые—заслуживаютъ особеннаго вниманія какъ по своей рѣдкости появленія въ древнихъ окскихъ поселкахъ, такъ, и въ особенности, по своимъ высокимъ качествамъ. Эти обломки принадлежатъ посудѣ, сдѣланной изъ хорошо перемѣшанной глины; стѣны посуды—тонки, ровны и отъ тщательнаго сглаживанія ихъ—глянцевиты; орнамента на нихъ не бываетъ; обжигъ сильный. По способу приготовленія глины и цвѣту, обломки черныхъ глянцевитыхъ горшковъ имѣютъ полное сходство съ нѣкоторыми и всегда болѣе изящными глиняными пряслами. Есть основаніе какъ тѣ, такъ и другіе отнести къ предметамъ не мѣстнаго производства, а привознымъ откуда-то извнѣ. Къ такимъ же привознымъ предметамъ должно отнести и найденную въ единственномъ экземплярѣ бусину, сдѣланную изъ разноцвѣтной композиціи.

Въ оцѣнкѣ степени культурности жителей поселка весьма важное значеніе имѣютъ встрѣченные слѣды скотоводства, земледѣлія, обработки металловъ и охоты. Среди костей, встрѣченныхъ, въ видѣ обломковъ, въ жилихъ ямахъ или около нихъ и, очевидно, служившихъ пищею жителей, встрѣчены кости лошади, коровы, овцы и, вѣроятно, уже прирученной свиньи. Найденный известковый жерновъ ручной мельницы свидѣтельствуетъ, что жители имѣли свой зерновой хлѣбъ и обрабатывали его у себя дома. Глиняная формочка, служившая для отливки мелкихъ металлическихъ украшеній, обломокъ ложковиднаго глинянаго тигля, желѣзные шлаки и запасы жел. руды указываютъ на умѣніе жителя поселка добывать и собственными средствами обрабатывать желѣзо и переливать другіе болѣе цѣнные металлы въ формы нужныхъ ему украшеній. Но проводя жизнь среди такихъ занятій, житель Алкановскаго поселка не пренебрегалъ охотою за дикими звѣрами. Судя по встрѣченнымъ

костямъ среди кухонныхъ отбросовъ, предметами его охотъ служили лоси, медвѣди, бобры и др.

Къ какому времени относился поселокъ? Руководясь общимъ характеромъ вещей и находя въ нихъ большое сходство съ вещами Борковского поселка, мы можемъ отвѣтить на поставленный вопросъ, что оба упомянутые поселка могли существовать приблизительно въ X—XI вѣкѣ.

Къ этому же времени съ большею вѣроятностью можно приурочить и встрѣченные на дюнѣ четыре погребенія, на связь которыхъ съ поселкомъ указываетъ и то, что они какъ бы сопровождали жилище, находясь близъ жилыхъ ямъ, и сходство сосуда, найденнаго при одномъ изъ нихъ, съ обычнымъ типомъ обломковъ сосудовъ, встрѣченныхъ на всей площади поселка. Если же это было такъ, то къ характеристикѣ интеллектуальнаго развитія жителя поселка необходимо отнести и его знаніе и умѣніе пользоваться для передачи своихъ мыслей и идей графическими знаками, какіе оказались на могильномъ сосудѣ¹⁰⁾.

Что касается народности, которой принадлежали жители поселка, то, основываясь на сходствѣ бытовыхъ памятниковъ Борковского поселка, имѣющаго очень характерныя черты принадлежности славянской народности, а также и на историческихъ извѣстіяхъ, по которымъ къ X—XI вѣку, на берегахъ средняго теченія р. Оки должны были уже твердо осѣсть Славяне-Вятичи, мы относимъ поселокъ именно къ этой народности.

Перейдемъ къ обзору памятниковъ бронзоваго вѣка. Вопросъ о существованіи, на берегахъ р. Оки, бронзоваго вѣка какъ самостоятельной культурной эпохи, оставался до послѣдняго времени едва затронутымъ. Можно сказать, его бы совсѣмъ въ русской литературѣ не существовало, если бы на него не указывали немногія находки бронзовыхъ кельтовъ въ Муромскомъ и другихъ уѣздахъ¹¹⁾.

Въ археологическую экскурсію 1895 года, мною впервые были замѣчены и собраны на рязанскихъ дюнахъ обломки посуды съ *спиччато-или рябчато-ниточнымъ* орнаментомъ, изученіе которыхъ тогда же приводило къ мысли о существованіи на берегахъ р. Оки какой-то промежуточной стадіи культурнаго развитія, находящейся между каменнымъ и желѣзнымъ вѣкомъ. Въ отчетной работѣ за тотъ годъ мною указано на подмѣченное явленіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ¹²⁾, гдѣ

¹⁰⁾ Археологическія Извѣстія и Замѣтки, 1897 г. № 12.

¹¹⁾ Груды VIII и IX Арх. Съѣздовъ: Замѣчанія Д. Н. Анучина къ «Основаніямъ хронолог. распредѣл. этнограф. матеріаловъ въ могилахъ Ю. и Центр. Россіи Д. Я. Самоквасова», и къ статьѣ «О бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра», В. Б. Антоновича.

¹²⁾ Матеріалы для арх. карты дол. и б. р. Оки, статьи: 54, 62, 72, 74 и 95.

и высказывалось мнѣніе о возможности принадлежности рассматриваемаго типа посуды къ бронзовому вѣку. Послѣднее мнѣніе возникло также не безъ основанія: оно покоилось на двухъ свѣдѣніяхъ, полученныхъ мною въ ту же экскурсію о случаяхъ находокъ бронзовыхъ или мѣдныхъ листовидныхъ наконечниковъ стрѣлъ на дюнахъ, близъ с. Дубровичъ, Рязанскаго уѣзда и у д. Ужалья, Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи ¹³).

Желая болѣе положительно выяснить вопросъ, я и рѣшился подвергнуть раскопкамъ дюну „Могилокъ“, гдѣ неоднократно мнѣ случилось видѣть обнаженія обломковъ посуды съ ниточнымъ орнаментомъ. Мѣстомъ обнаженія подобныхъ обломковъ служилъ южный скатъ дюны, обращенный къ озеру Казарскому, разрушенный движеніемъ песка. Послѣднее обстоятельство сдѣлало поиски не совсѣмъ легкими. Остатки бронзоваго вѣка были найдены въ двухъ пунктахъ, на восточномъ скатѣ дюны, ежегодно заливаемомъ весенними разливами р. Оки и сверху хорошо маскированномъ луговою травою. На этотъ скатъ были перенесены раскопки въ послѣдній день изслѣдованій, собственно для поисковъ остатковъ неолитическихъ стоянокъ, такъ какъ трудно было допустить здѣсь присутствіе другихъ какихъ-нибудь памятниковъ.

Въ первомъ пунктѣ (траншея 13), обломки посуды съ ниточнымъ узоромъ были найдены въ небольшомъ количествѣ: они залежали въ темномъ золистомъ слоѣ и сопровождались нѣсколькими осколками костей животныхъ, среди которыхъ оказались зубы овцы. Болѣе обильныя и характерныя находки послѣдовали въ другомъ пунктѣ (траншеи 14 и 15), гдѣ также въ золисто-темномъ слоѣ удалось открыть слѣды кострища, очагъ котораго, повидимому, былъ устроенъ изъ песчаниковыхъ и гранитныхъ валуновъ, величиною немного больше кулака. По сторонамъ очага сразу послѣдовали обильныя находки обломковъ глиняной посуды, отчасти съ орнаментомъ, осколковъ кремня, кремневыхъ стрѣлъ, полуистлѣвшихъ костей животныхъ, среди которыхъ опредѣлены зубы лошади, нѣсколькихъ обломковъ глиняныхъ тиглей и, наконецъ, обломка одного бронзоваго или мѣднаго цельта, едва не отброшеннаго рабочимъ въ сторону, какъ кусокъ неинтереснаго камня. Между тѣмъ, это небольшое орудіе, впервые найденное при изслѣдованіи окскихъ дюнъ, имѣло значеніе даты къ цѣлой серіи маститыхъ памятниковъ.

Само собою разумѣется, одного обломка цельта еще было бы недостаточно для полнаго устраненія мысли о случайномъ появленіи его

¹³) Ibidem, статьи: 72 и 95.

у людей того или другого культурнаго вѣка. Къ счастью, бронзовый цельтъ найденъ въ сопровожденіи обломковъ тиглей, иногда украшенныхъ тѣмъ самымъ ниточнымъ узоромъ, который, какъ выше сказано, былъ въ состояніи самъ по себѣ возбудить мысль о существованіи промежуточной эпохи между каменнымъ и желѣзнымъ вѣкомъ и оказавшимся вполне тождественнымъ съ преобладающимъ орнаментомъ на посудѣ изслѣдуемой стоянки. При изученіи обломковъ тиглей было замѣчено, что смоченныя шлакировавшіяся ихъ стѣнки принимаютъ зеленатый оттѣнокъ, въ чемъ нельзя не усмотрѣть указанія на плавку въ нихъ мѣди или какихъ-либо ея смѣсей. Такимъ образомъ, легко убѣдиться, что найденный бронзовый или мѣдный цельтъ не былъ среди другихъ вещей стоянки явленіемъ случайнымъ, полученнымъ извнѣ; напротивъ, онъ легко можетъ быть принятъ за продуктъ мѣстной обработки и хотя, очень вѣроятно, рѣдкимъ по дороговизнѣ металла экземпляромъ, но во всякомъ случаѣ не единственнымъ.

Самую обильную и вмѣстѣ любопытную часть находокъ составляютъ обломки посуды: при первомъ взглядѣ на эту посуду невольно возникаетъ мысль о сходствѣ ея съ посудой неолитической эпохи и желѣзнаго вѣка, и въ то же время—о совершенно самостоятельномъ ея типѣ.

Посуда лѣпилась безъ помощи гончарнаго круга, но въ общемъ довольно тщательно и аккуратно. Глина бралась чистая, хорошо вымѣшенная. Обжигъ—довольно сильный. Орнаментовка весьма распространена и распадается на два различныхъ и особенно выразительныхъ типа. Орнаментовка перваго типа состоитъ изъ перегородчатыхъ изящныхъ линий и полосъ, нанесенныхъ многозубчатымъ чеканомъ. Этотъ типъ орнамента представляетъ образецъ усовершенствованія неолитическаго чеканнаго орнамента, отъ котораго онъ отличается чистотой и тонкостью отдѣлки, указывающею на отдѣлку самихъ чекановъ или инструментовъ металлическими острыми орудіями. Интересно, что совершенно схожій орнаментъ былъ найденъ въ Ярославскихъ Фатьяновскомъ ¹⁴⁾ и Великосельскомъ ¹⁵⁾ могильникахъ, гдѣ наряду съ каменными орудіями оказались также и бронзовыя вещи. Въ 1895 году, такой же орнаментъ на обломкахъ глиняной посуды найденъ мною на дюнахъ Спасскаго уѣзда и, между прочимъ, у д. Сумбуловой, всего верстахъ въ 5 отъ описываемой стоянки.

Второй типъ орнамента состоитъ изъ разнообразно проведенныхъ

¹⁴⁾ Гр. А. С. Уваровъ. Каменный періодъ, т. I, стр. 395—419; т. II, табл. 29.

¹⁵⁾ В. А. Городцевъ. Могильникъ на Черной горѣ, близъ с. Великаго, въ «Археолог. Изв. и Зам.», 1886 г., стр. 375.

и перекрещенныхъ полосъ, сдѣланныхъ тонкой нитью. Этотъ орнаментъ, судя по нѣкоторымъ экземплярамъ, можетъ считаться заимствованнымъ отъ неолитическаго орнамента, наносимаго рыболовною сѣтью и веревочкой. Однако считалось, несомнѣнно, болѣе красивымъ примѣнять ниточный узоръ, располагая и скрещивая линіи какъ можно чаще, такъ что общій видъ стѣнъ сосудовъ представлялся изрытымъ и чрезвычайно похожимъ на оспеннорытый или сѣтчатый орнаментъ древнѣйшей эпохи желѣзнаго вѣка, нерѣдко встрѣчаемый въ древнихъ городищахъ окской области.

Ниточный орнаментъ въ описываемой стоянкѣ бронзоваго вѣка является настолько характернымъ, что имъ вполне возможно руководиться, при благопріятныхъ условіяхъ, въ опредѣленіи времени и другихъ совмѣстныхъ съ нимъ находокъ. Въ этомъ отношеніи весьма важно отмѣтить распространеніе его по рязанскимъ окскимъ дюнамъ. Въ 1895 году мнѣ лично пришлось найти довольно обширныя скопленія обломковъ посуды съ ниточнымъ орнаментомъ на дюнахъ въ окрестностяхъ с. Солодчи, менѣе обширныя скопленія—въ окрестностяхъ с. Дубровичъ, Алканова (изслѣдуемая дюна) и д. Ужалья, а ранѣе я видѣлъ ихъ на дюнѣ Логиновскаго хутора, въ окрестностяхъ с. Конищева и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ.

Интереснымъ, но, повидимому, не особенно характернымъ является орнаментъ изъ энергичныхъ вдавленій, наносимыхъ инструментомъ съ закругленнымъ концомъ то съ наружной стороны, то изнутри. Такой способъ украшенія посуды еще живо напоминаетъ неолитическія традиціи.

Назначеніе встрѣченныхъ на стѣнкахъ двухъ обломковъ крупныхъ сквозныхъ дыръ остается пока загадочнымъ. Въ Зап. Европѣ, между прочимъ въ Чехіи, бывали находимы цѣльные сосуды съ продыравленными боками; въ нихъ приготовляли сыръ. Древность ихъ тамъ относится къ неолитической эпохѣ¹⁶⁾. Возможно, что и добытые нами обломки съ сквозными дырами принадлежали къ сыровареннымъ сосудамъ.

Въ отношеніи оцѣнки быта человѣка Алкановской стоянки бронзоваго вѣка весьма важнымъ является, во первыхъ, присутствіе, въ его кухонныхъ отбросахъ, костей домашнихъ животныхъ, и во вторыхъ, расположеніе самой стоянки на мѣстности, заливаемой весенними разливами. Первое указываетъ, что человѣкъ занимался скотоводствомъ, а второе, что жизнь его не была осѣдла; въ суммѣ же это даетъ всѣ черты быта кочевого.

¹⁶⁾ Д-ръ Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена, ч. I, стр. 155 и 165.

Итакъ, резюмируя все касающееся изслѣдуемой стоянки, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) бронзовый вѣкъ, какъ самостоятельная культурная эпоха, существовалъ въ области средняго теченія р. Оки; 2) культура его характеризовалась смѣшаннымъ употребленіемъ каменныхъ орудій съ мѣдными или бронзовыми, вырабатываемыми внутри страны; 3) человѣкъ имѣлъ домашнихъ животныхъ: лошадь, овцу и, весьма вѣроятно, другихъ, и, наконецъ, 4) онъ велъ бродячій образъ жизни.

В. А. Городцовъ.

(Оттискъ изъ „Археолог. Извѣстій и Замѣт.“ 1898 г., № 7 и 8).

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Товарищество типографіи А. И. Мамонтова, въ Москвѣ.

0.8 κοπ.

8k

